

СПРАШИВАЕМ —

ОТВЕЧАЮТ...

Все в кабинете Сергея Федоровича свидетельствовало о том, что хозяина оторвали от дел. В машинку заправлен лист — не допечатал, остановился на полуправе. В рабочем состоянии магнитофон с подключенным микрофоном. Бондарчук иногда наговаривает текст на ленту, «проигрывает» перед микрофоном ту или иную роль — не обязательно свою, — ищет верную интонацию. На столе в уютном беспорядке книги, кассеты, блокноты. Рядом с толстым фолиантом «Блестящей Европы» А. фон Глейхен-Руссвурма (книга первая, 1600 — 1789 гг.) — хорошо иллюстрированное издание «Бориса Годунова». Совсем не случайно оказались эти книги на столе у хозяина кабинета — Героя Социалистического Труда, народный артист СССР Сергей Бондарчук приступил к съемкам фильма «Борис Годунов» по трагедии Пушкина.

— Между прочим, выдающееся издание, — взяв в руки пушкинский том, говорит Сергей Федорович, не ожидая вопросов. — Эти иллюстрации делал замечательный график Евгений Кибрик. По-моему, это единственный художник наших дней, который сумел не только понять Пушкина, но и максимально приблизиться к образам трагедии. Посмотрите, какие поразительные попадания! Это же что ни портрет — все пушкинские образы. Красавица Марина Мнишек. Гордая, неприступная полька. А во взгляде — бешеное честолюбие, страсть, властность. Она такой и в жизни была. Мы нашли замечательную исполнительницу этой роли в картине: Марину будет играть польская актриса Адриана Беджиньска.

Бондарчук находится во власти своей новой работы. О чем бы ни заходила речь, разговор непременно сводится к «Борису Годунову»: «Вы слышали музыку, написанную к фильму Вячеславом Овчинниковым? А видели на «Мосфильме» альбом фотографий?»

На «Мосфильме» я видел и три альбома со снимками претендентов на главные и второплановые роли, и фотографии старинных гравюр с изображениями Бориса Годунова, Василия Шуйского, Марины Мнишек, и репродукции с исторических картин, и эскизы костюмов, и все это странно на первый взгляд соседствовало с огромным, почти во всю стену фотопапом — киноадром из «Красных колоколов»: матросы высаживаются со шлюпок на Дворцовой набережной и спешат к Зимнему. Я сказал об этом Сергею Федоровичу.

— Снимать «Бориса Годунова» я был готов еще пять лет назад, — пояснил Бондарчук. — Софийский театр имени Ивана Вазова даже предложил мне осуществить постановку трагедии у них на сцене. Уже были готовы эскизы декораций. Но я взялся за Джона Рида. И теперь понимаю, как это было своевременно. Я теперь яснее, чем когда-либо, представляю себе, как надо решать тему народа в «Борисе Годунове».

«Стоит ли братья за легкие вещи!...»

— Сергей Федорович, известно, что попытка поставить «Бориса Годунова» на сцене успеха не имела. Почему именно это сложнейшее драматическое произведение Пушкина вас заинтересовало?

— «Судьба человека», по-вашему, была проще? «Война и мир»? Или чеховская «Степь»?.. Я никогда не брался за легкие или простые вещи. Стоит ли за них братья!.. Меня интересуют произведения, в которых раскрывается внутренний мир человека, то, что Станиславский называл жизнью человеческого духа. Возьмите любое произведение Толстого, Достоевского, Пушкина, Чехова, Шолохова — найдете ответы на вечные вопросы, волнующие людей. Титаны мысли, они прошли сложнейший путь постижения истины, и этот путь отражен в их книгах.

Если произведение волнует меня, если я нахожу в нем содержание, говоря словами Толстого, важное для жизни людей, для меня не имеет значения, сценично оно или не сценично, есть в нем жесткая фабула или нет. Толстой сознательно отказывался от занимательной интриги. Возьмите любое произведение Чехова — вы не найдете драматургической зауми, зато какие характеры!

Кто такой Борис Годунов у Пушкина? Это человек, у которого большая совесть. Отсюда его недуги, суеверия. Его гложут сомнения. Он окружил себя врачами, знахарями, колдунами, вещуннями и пытается найти исцеление. За ним тянется шлейф зловещих слухов. Народная молва приписывает ему смерти близких к престолу людей. Землю поразили засуха, голод, пожары. Считают — из-за Борисова злодеяния. Все есть у царя Бориса — и ничего нет. Напод отвернулся от него. Трагедия Годуно-

ва, помимо всего прочего, состоит еще и в том, что он сам понимает свое положение: «И рад бежать, да некуда...».

— Сергей Федорович, вы один из немногих режиссеров в нашем кинематографе, кто так неизменно и последовательно предан экранизации. Чем это можно объяснить?

— Только тем, что я еще не встретил оригинального сценария, содержание которого взволновало бы меня так, как волнует классика.

Да, в свое время в возможности воплощения на экране «Судьбы человека», адекватной рассказу, не верилось даже автору — М. Шолохову. Так велик и по-человечески необъятен жизненный материал этого произведения. На книжке отдаленно изданного рассказа, подаренной Бондарчуку, Михаил Александрович написал: «Дорогому С. Бондарчуку с любовью, верой и дружбой». Просто, искренне, сдержанно. Было это в мае 1958 года. А двадцать лет спустя, в 1978 году, уже после «Войны и мира», после постановки шолоховского романа «Он сражался за Родину», где режиссер след за писателями показал всю бесчеловечность войны и величие духа защитников Отечества, Шолохов подарил своему кинематографическому соавтору первый том «Тихого Дона» с надписью: «Всеобъемлющему Бондарчуку Сереже дай боже...». Здесь уже не только признание. В эту краткую надпись Шолохов вложил свое понимание громадности бондарчукского таланта, свою любовь и человеку, которого понял и которому желает жизненного и творческого счастья, ибо что можно пожелать художнику более дорогого и необходимого, чем счастье творчества. Творчества, начавшегося для Бондарчука в кино с участия в фильмах «Молодая гвардия», «Тарас Шевченко»...

— Вот вы вспомнили Тараса Шевченко, — Бондарчук ожив-

ляется. — Я с огромным удовольствием принял приглашение телевидения участвовать в создании передачи, посвященной 170-летию со дня рождения великого kobzara. А та, давняя работа над образом поэта — не просто эпизод моей жизни. Это главная страница моей творческой биографии. Там обозначились принципы, которым я стараюсь следовать в жизни и в работе. До сих пор обжигают сердце слова режиссера Игоря Савченко. «Запомни, Сергей, — говорил он мне, — роли играют только чиновники. Да и то они играют маленькую, почти незаметную роль, другие — чуть побольше, но не ими определяется наша жизнь. Художники же создают образы...»

— И этому учит большая литература... А вы помните первую книгу, которую прочитали в детстве?

— Конечно! — Сергей Федорович улыбается. — Это — букварь. «Мама мыла Милу». Так, кажется?.. Но если говорить серьезно, в нашем доме всегда звучали стихи Шевченко, народные песни. Мой дед любил рассказывать мне байки из старинной жизни. А в детстве я читал Майн Рида, Жюль Верна, Конан Дойла, Джека Лондона. Прятался под столом, закрывался одеялом, зажигал свечку, чтоб тайно читать. Захватывающее чтение! Знаете, в чем его польза? Оно развивало воображение, будило фантазию, заставляло верить в написанное. Свою первую роль в нашем детском театре имени Христофора Колумба я тоже сыграл в спектакле с приключениями «Золотая табакерка». А увлекшись театром, стал читать за поем...

Прочитав чеховскую «Степь», я словно заново на свет родилась, так она меня потрясла поэзией жизни. Уже тогда мне захотелось увидеть ее на экране. Я читал «Попрыгунью» и плакал, до того чеховский Дымов был похож на многих моих знакомых, умных, талантливых, но так и не понявших до конца людей. Мы договорились с режиссером С. Самсоновым экранизировать рассказ. Долго его «пробивали» на «Мосфильме», нам не верили, но в конце концов фильм был снят и получил множество положительных отзывов.

— Сергей Федорович, в вашем творчестве, мне кажется, ясно просматривается некая закономерность: вам чаще удавались образы, приходившие на экран из литературы и театральной драматургии. Доктор Астров в «Дяде Ване», отец Сергей в фильме И. Таланкина по повести Льва Толстого, кардинал Монтанелли в телефильме Э. Войнич «Овод». Я уже не говорю об Андрее Соколове, Безухове, Звягинцеве...

— А все, что не из литературы, вам не нравилось?

— Почему же, я хорошо помню вашего Ершова из «Неоконченной повести» по сценарию Исаева, кажется...

— Это слабое утешение. С сожалением приходится говорить о том, что не все роли сыграны так, как хотелось бы. В театре можно совершенствовать роль бесконечно. Кино лишает актера такой возможности. С годами особенно ясно видишь, чего ты недодал в той картине, в этой...

— Может быть, с годами и опытом повышаются и наши требования?

— Во все времена в искусстве властвовало одно требование — художественной правды.

— Экранизация — это всегда проблема прочтения и экранного воплощения литературного произведения, которое одновременно является реальностью и мифом, оригиналом и десятками тысяч мнений и представлений читателя о нем...

— Что главное в любой экранизации? Следование за автором. Не слепое копирование — это никому не нужно, — а воплощение на экране средствами киноискусства содержания произведения, его идеи, художественной стилистики и образности. Толстой говорил, что художник, чтобы действовать на других, должен быть ищущим, а его произведение — исканием.

На подготовку к фильму у меня уходит лет пять, семь, а вот, скажем, «Степь» потребовала больше пятнадцати лет... К «Борису Годунову» я начал приставать лет десять назад. А до того даже думать боялся. Оттого мне хотелось бы видеть в кинозале зрителя не праздного, но требовательного, подготовленного так же, как готовился к встрече с ним художник.

— Сергей Федорович, вот вы говорили о классиках... А кого из современных писателей вы могли бы поставить рядом с ними?

— Леонида Леонова. Это великий писатель России. Мне довелось встречаться с ним. Говорю ему: ходят слухи, вы пишете новый роман — вот бы почитать! А он: не дожидетесь, для меня написать фразу целое мучение — могу писать три дня, а то и три месяца. Вот какое чувство ответственности у настоящего художника!

— Как вы трактуете понятие «чувство ответственности»?

— Значит — искать истину. Михаил Александрович Шолохов говорил, что нелегко писать правду, но еще сложнее найти истину! Каждое его произведение — это поиск истины. Леонов говорил мне: «Вот я иду и вижу пропасть. Я должен сказать людям, что впереди пропасть. Но, прежде чем я скажу об этом, я должен сам увидеть эту пропасть, а потом сказать людям». Не фраза его мучает, а поиск истины. Таким же ищущим должен быть и кинематограф. Вся искусство.

Вел беседу
Анатолий ВЫСТОРОБЕЦ